

**Список стихотворений пермских поэтов, подготовленный
ГКБУК «Пермская государственная ордена «Знак Почета»
краевая универсальная библиотека им. А.М. Горького»**

Беликов Юрий Александрович
(15 июня 1958 г.)

Дым без огня

Микрофон настраивает эхо.
Держит лес гитару тишины.
– Тут гастрологи! – скажете, а это
будет петь рассветище весны.
Лишь едва из дали серебристой
первый лучик сделает бросок,
как расколуют птицы мускулисто
на весь лес дровишки голосов.
И к полудню свежестью поленниц
подопрут-подымут небосвод.
Побегу я в лес, оставив теннис,
не пугаясь ёлочных острот,
чтоб на тучных на берёзах бражных
свадьбу ненароком подглядеть
бабочек насыщенно-вальяжных, –
даже и не пробуют взлететь!
А когда я выберусь из леса,
шмякнут умудрённые в меня:
– На глазах у юноши – завеса.
Вот он дым, который без огня!
Не от удивления разину
рот, услышав эти голоса:
– Не волнуйтесь, я люблю Россию
за одни красивые глаза!

Богомолов Виталий Анатольевич
(13 мая 1948 г.)

Над Камою рекой

А здесь покой царил от века,
На всём лежала благодать.
Когда б не пакость человека,
И жизнь не жалко бы отдать
За эти тучи над холмами
И чудо-звёзды в небесах,
За рябь чешуйчатую в Каме
И мир на Божиих весах.

Когда б не пакость человека...

Кама, вечер, тишина

Кама, вечер, тишина,
Светит полная луна...
Благодатная пора
В радость песня комара.

Ночи белые над Пермью,
До чего ж вы хороши!
И за Камою деревню
Видно, хоть рукой маши.

Не душа ли там зазноба
Смотрит в сторону мою?
Без знакомства чужем оба,
Что сердца наши поют...

Не стерпеть – схвачусь за вёсла,
Вспеню воду за кормой.
Знаю многие ремёсла,
Знаю, с кем вернусь домой.

Кама, вечер, тишина,
Светит девственно луна...
А на утренней поре –
Хозяйка будет на дворе.

Дневник

Он – летопись событий, точных дат,
Имён и тайных мыслей он хранитель,
И дней минувших строгий управитель,
Он, как присяге преданный солдат...

Его листая, правду узнаёшь,
Дивясь иным подробностям забытым:
Года прошли, но истина и ложь
Здесь в паутине строк навек сокрыты.

И если не разрушит мир война,
Мой друг дневник
в запечатлённом слове,
Мне верится, в грядущих временах
Эпоху нашу честно восстановит.

Востриков Федор Сергеевич
(6 февраля 1942 г.)

Урал

Край уральский навеки любимый,
Мой особенный русский уют,
Где стучаться в окошко рябины,
И уралочкам спать не дают.
Ты, Урал, всех добрее и проще.
Запоёшь – и тебя не унять.
Соловьями в берёзовых рощах
Задушевные песни звенят.
В самоцветах купаются горы.
И куда не посмотришь – леса.
Плещет лебедем Камское море,
Отражая в себе небеса.
Крепость духа, влюблённость и силу
Ты поистине в сердце вобрал,
Милый край, - ожерелье России –
Вечно юный и древний Урал.

Родина...

Родина, дарованная Богом,
Ты меня, пожалуйста, прости,
Что порой шагал не той дорогой,
Что сбивался с нужного пути.
Жизнь, она бывала и жестока,
В штиль швыряла и в девятый вал.
Если бы отрёкся от истока,
То она сразила б наповал.

История

История – древняя книга –
Вещает нам горькую грусть:
Татаро-монгольское иго
Терзает набегами Русь.
В крови, как в багряном тумане,
Кипела огнем круговерть.
Не плен выбирали славяне,
А битву – победа иль смерть.
Сплотились. Ордупобедили.
Рассеялся дым на ветрах.
Лежат в куликовской могиле
И русич хоробрый, и враг.

Но только, где русичи пали,
Воинственные мужики,
На поле из травушки встали,
Как память о них, васильки.
А там, где поганое иго,
Метущее некогда зло,
На черных, как туча, кулигах
Татарниками проросло.

Гумерова Наталия Евгеньевна
(30 января 1972 г.)

Рождение стиха

Ещё не осень, но уже не лето;
Над городом сгустились облака.
В преддверии холодного рассвета
В моей душе рождается строка.
Цепляется за сонное сознание,
Сплетается в невидимую нить,
И это неземное состояние
Я не могу понять и объяснить.
Ловлю, как воздух, ветер вдохновенья,
Светает, тает сумрак за окном.
На чистый лист легло стихотворенье
И светом озарило спящий дом.
Ещё не раз его перечитаю,
Оставлю или всё перечеркну?
Взамен недавно виденному сну,
Я в облако поэзии взлетаю...

Настроение

Возьму я радужные краски
И набросаю на холсте
Сюжет давно забытой сказки –
Дань детской ветреной мечте.

Изобразю равнины, горы,
Вуаль прозрачных облаков
И разноцветные просторы
Косой нетронутых лугов.

Запечатлею океаны,
В кристальных водах – корабли
И фантастические страны,
Что скрыты на краю земли,

Я нарисую бесконечность,
Где нет ни боли, ни обид,
Где детства светлая беспечность
Со мной о вечном говорит...

Домовитов Николай Федорович
(1918–1996)

Мачеха

Мы в детстве многого не знали...
Меня порой в разгар игры
Соседки мачехой пугали:
- Придет - все выдерет вихры!
А сердобольные старушки,
Всплакнув, качали головой,
Совали в руки мне ватрушки
И называли сиротой...
Мне этот день забыть едва ли.
Пришел отец:
- Ну, Николай,
Закомься! Это - тетя Валя,
Захочешь - мамой называй...
Привыкший к маминой заботе,
С испугом - будто бы в огонь -
Я сунул в руку этой тете
Свою немытую ладонь.
А тете Вале предстояло
семейных множество забот:
Она от пыли протирала
Кровати, окна и комод.
И переставила от стенки
На место новое буфет
Но не сняла она с простенка
Печальной женщины портрет.
Протерла крашенную раму,
Кусочком старого сукна,
Как будто знала мою маму
Уже не год, не два она.
А я ни ласке, ни заботе
Не мог поверить до поры:
Мне все казалось - эта тетя
Сейчас мне вцепится в вихры.
Молчал, насупившись упрямо.
Смотрел на тетю, как зверек,

И слова маленького "мама"
Из сердце выдавить не мог.
Но как-то раз, упав с березы,
Лежал я в гипсе и бинтах...
И в первый раз увидел слезы
На добрых тетиных глазах.
Увидел в них и боль, и муку...
Когда ушел от койки врач,
Нашел я ласковую руку
И молвил:
- Мама, ты не плачь!..
Потом я бредил до рассвета,
Казалось мне во тьме ночной,
Что это мать, сойдя с портрета,
Склонилась низко надо мной.

Белый пароход

Былое реже видится с годами,
Но сколько их сквозь сердце ни пройдет,
Мне не забыть, как тихо плыл по Каме
Наш госпитальный белый пароход.
Он плыл вперед под белым небосводом,
Держа в верховья дальние маршрут,
И резко пахло хлоркою и йодом
Из пароходных маленьких кают.
А мы, войной помятые солдаты,
Пока для рот стрелковых не нужны.
И пароход, минуя перекаты,
Нас увозил подальше от войны.
Ещё с врагом не кончен поединок —
Мы вновь пойдём в атаку на врага.
И долго-долго крыльями осинок
Махали нам родные берега.
Мы плыли днём и плыли ночью белой,
И нам солдатки к пристани речной
Несли кульки с малиной переспелой
И пироги с начинкою грибной.
Нас, как детей, укачивала Кама.
И снились нам безоблачные сны:
То школьный двор, то ласковая мама,
Не тронутая снегом седины.
Она легко дышала на ресницы.
И в темноте казалось нам не раз,
Что по воде-то шлепают не плицы,
А масло мама пахтает для нас.

...Былое реже видится с годами.
Жизнь, как река широкая, течёт.
Плывёт все дальше медленно по Каме
Мой госпитальный белый пароход.

Дрожащих Владислав Яковлевич
(30 марта 1952 г.)

Там, над Камой тёмной...

Рано ли, поздно
— сойдём за край.

А пока перед бездной грозной крутись и порхай,
выбирая в шепот по звёздам
щель земную, как божью весть,
но не спустя и после,
а только сейчас и здесь.

Там, над Камой тёмной — бери в шепот города.
Гремит бубенчик лучистый, а кто-то скажет: звезда.

Мы по краю ходили
тёмных вод и дальше, за край;
а там — обморок или
углеуральский рай.

Хорошо, мы ещё поедem к тем самым местам,
где огни на ветру сгорают; вовсе не слаще там,
где прикроет глаза разлука,
за рукав огонь беребя.
Вот и всё: ни огня, ни звука,
ни тьмы — за тебя.

Там никто не помнит,
где хлябь, где твердь, а где ты,
и себе кометы обрубают хвосты;
там, над Камой тёмной,
повисла звезда,
как птенец, ещё не выпавший из гнезда.

Разговор

Пламя, сжатое в ладони,
дождь в законе, снег в загоне.
Кто ты, божий человек,
пламя, дождик или снег?

Дождь коленчатый, хромой —

за разлукой, за тюрьмой.
Полупламя, полуснег,
кто ты, божий человек?

За беспутными горами,
за бездомными лучами
буду помнить — кто такой.

Кто ты будешь, дорогой?

Время дневных огней
Время дневных огней,
которые смотрят злей
беглого лепестка
в пещерной тоске зрачка.

Бритвенный плоский свет,
гром трамвайных монет,
пляска стеклянных птиц,
электрических колесниц.

Время дневных минут,
которые не солгут
ни ворону, ни врагу,
а мёртвому — ни гу-гу.

Бледное пламя вод
рифейской зарей зальет
или в какой-то год
меня из огня возьмёт.

Время ночных минут,
которые всё бегут,
лишая крови меня, —
на мёртвый запах огня.

Беглого бытия
невыносима моя
боль. На ресницах соль.
За это спасибо, боль.

В небе, бледней огня,
ветер на склоне дня.
Из сердца торчит, звеня,
всё, что важней меня.

Всё, что важнее лет,
которыми я согрет.
И нет холодной огня
того, что согрел меня.

Радкевич Владимир Ильич
(1927 - 1987)

Пермская земля

В камской зелени и сини
Жил и в грозах, и в тиши
Город в глубине России -
В глубине моей души.

Был он крут, не обессудьте!
Только, судя по всему,
Он поэтом был - по сути,
По призванью своему.

Не торжественною одой,
А лирической строкой
Он связал свои заводы
С Камой, небом и тайгой.

Так что, видимо, с рожденья
Все мы ходим, пермяки,
Под высоким напряженьем
Той лирической строки.

Молодым пришлось по вкусу
Крутизна такой земли,
Где к заводу или к вузу
Эти улицы вели.

Был я молод в самом деле,
Но остались позади
Азиатские метели,
Европейские дожди.

И курлычет по-над Пермью
Журавлиная тоска,
И роняют в Каму перья
Перистые облака.

Я живу, теряя близких,
После всех моих потерь
Ты одна по-матерински
Мне в глаза посмотришь,
Пермь.

Чердынь великая

Чердынь,
Чердынь Великая,
Чем же ты велика?
Дремлет, старчески всхлипывая,
Колва-река.
В дреме той иль в бессоннице
Время мечется вспять.
Под копытами конницы
Камни вопят.
Разгулялись ушкуйники.
Рать вогульскую гнут.
Соболиные шкурки,
Как женщину, мнут.
По становищу шастают,
Ткнув кистень за кушак.
Алексею Тишайшему
Будет добрый ясак!
Время древнее, гулкое,
Не меня ль ты зовешь?
Лучше стрелы вогульские,
Чем в приказе правеж!
Кровью руки омоются.
Но, крестом осеняя,
Стефан Пермский помолится
В тишине за меня.
Очи вороном выпиты.
И ни зги в темноте.
Буквы русские выбиты
На скорбной плите,
И плывет с облаками
Звон в четыре струи.
И дома белокаменны,
Как кости мои.

Этой ночью в гостинице
Я заснуть не смогу.
Лес на Чердынь не двинется -
Чердынь двинет в тайгу!

Сдвинут парни российские
Годы, горы, миры -
Словно пули трассирующие,
Вдоль по трассе костры!
Видно, так предначертано,
Чтоб, сквозь время струясь,
Кама около Чердыни
С Печорой слилась.
Здесь с лесным заточением
Свыклась Колва-река.
Тихо моет течением
Камни, кости, века...
Но отбросив подробности,
Я из прошлого рвусь.
Кровью слились народности
В великую Русь!

Старая Пермь

Пермяки – соленые уши!
Соль на потном тряпье рубах,
Да отчаянный звон полушек
По окраинам, в кабаках.
Даже в праздничном окаянстве,
Когда всяк перед Богом чист,
В тишь купеческой и дворянской
Вдруг врывается разбойный свист.
Возле Камы в глухих кварталах,
На помине в ночи легка,
Как преданье, еще роптала
Кровь товарищей Ермака...
Ни поветрий, ни песен новых,
Лишь дороги
в Сибирь, на Югру.
И, сутулясь, дрожал чиновник
На уральском сквозном ветру.
Трактом дрожки тряслись с имений,
С мясоеда – за балом бал.
Обольстительный дух пельменей
Над дворами Перми витал.
И, предчувствуя сытый отдых,
На перины, как на насест,
Пермь влекла своих жен дородных
И грудастых своих невест...
Но с восходом на мировую,
Багровея, не шел закат,

И ложились на мостовую
Тени будущих баррикад.

То, изведав любое лихо,
Смутно грезил про Пятый год
Отгороженный Егошихой
Мотовилихинский завод.

Решетов Алексей Леонидович
(1937 – 2002)

Я жил далеко на Урале
Я жил далеко на Урале,
В почти недоступной дали.
То льдины у ног проплывали,
То сено на лодках везли.
То словно разрытая яма,
То будто поверхность стекла, -
То злая, то добрая Кама,
Как совесть людская была...
Я плыл в сентябре на пароме,
Открытом, без теплых кабин,
И все человечьи пороки
Казались мне пеной глубин.

Волшебная книга природы
Набродиться летними лесами,
Лечь в траву, вздохнуть и замереть
И почти закрытыми глазами
В небо полуденное смотреть.
Ощущать цветов благоуханье
И лучей скользящее тепло.
Думать: это женское дыханье
Чудом в глушь лесную занесло.
И внимать земле и небосводу,
И, вернувшись в хмурое жильё,
Потерять, как женщину, природу,
Мучиться и сохнуть без нее.

Не плачьте обо мне
Не плачьте обо мне:
я был счастливый малый.
Я тридцать лет копал подземную руду.
Обвалами друзей моих поубивало,

А я еще живу, еще чего-то жду.
Не плачьте обо мне. Меня любили девы.
Являясь по ночам, чаруя и пьяня
Не за мои рубли, не за мои напевы.
И ни одна из них не предала меня.
Не плачьте обо мне.
Я сын «врагов народа»,
В тридцать седьмом году
поставленных к стене.
В стране, где столько лет
отсутствует Свобода,
Я все еще живу. Не плачьте обо мне.

Телегина Валентина Федоровна
(1945 -2017)

Зажгитесь снега!
Зажгитесь, снега!
Заиграйте, овражки!
Проснитесь, зелёные силы земли!
Вернитесь, большие и малые пташки,
В леса и озёра, в поля, в ковыли!

Я знаю, в далёких, полуденных странах,
Где вы никогда не свиваете гнёзд,
Вам снится Россия, стога и бурьяны, -
Не голос ли родины ветер донёс?

Припомнится вам соловьиная ночь,
И первый полёт на окрепших крылах...
А всё потому, что родимая кочка
Милее, чем пальмы в лазурных краях.

А всё потому, что душа - нараспашку!
И вы б ни на час опоздать не смогли,
Когда на Руси заиграют овражки,
Проснутся зелёные силы земли.

Иди домой
Осталось детство далеко-далёко!
Река, пески, полынный дух и зной.
– Иди домой! – кричала мать с порога,
Глаза от солнца заслонила рукой.
Есть много мест, пристанищ и кочевий,

Где рады нам и с нетерпением ждут.
И всюду слышен голос в час вечерний:
– Иди домой!.. – все матери зовут.
То не буран свистит, не вьюга стонет,
Не тучи гонит ветер-вековой,

То с древности – исконное, святое:
Россия кличет всех своих детей.
И если в сердце смута и тревога,
И тень беды кружит над головой,
Я слышу голос матери с порога:
– Иди домой!.. Скорей иди домой!..

Богородская трава

В детстве мне почудилось:
на Святую Троицу -
Виделось, как будто наяву, -
Ходит по России Матерь Богородица,
Сеет богородскую траву.
Ранними утрами, в легком одеянии
Шла она, нездешняя краса, -
Зажигались степи золотым сиянием,
И мерцали темные леса.

Детскою душою так хотелось слиться
С образом небесной чистоты...
Где она ходила, распевали птицы,
Где ступала, там росли цветы.
И несла незримо помощь человеку:
Путника водою напоит,
Плачущих утешит, исцелит калеку,
Пахаря на труд благословит...

В плаче покаянном
вдруг душа заходится:
Праведно ли, правильно ль живу?
Где ты нынче, Матерь Богородица,
Сеешь богородскую траву?

Тюленев Игорь Николаевич
(1953)

Сельская библиотека
В тиши лесных библиотек

Разгадывал я тайну жизни,
Десятилетний человек
Во глубине родной Отчизны.

Здесь, у начала всех начал,
Где хмурился пейзаж неброский,
Меня любовью насыщал
И Радонежский, и Саровский.

Как в Слове помыслы чисты,
Как аккуратно пыль сдуваешь...
Шуршат страницы, как листы
В раю... Вот-вот про все узнаешь.

Пермские боги

Сошлись деревянные боги
В музее. И встали кружком.
Пришли они с Камы и Волги,
Пришли, как пехота, пешком.

Рубежная Русь замутила
Уральским туземцам глаза.
Ковшом солеварниц смочила
Каленые стрелы слеза.

Не ждут деревянные боги,
Что им, как в лесах Перуну,
Притащат лосиные ноги
И кровью измажут губу.

Хотя угро-финские лица
Подправил крестьянский топор,
Хотелось к Руси прислониться,
Крестом, раздвигая простор.

Пока деревянные боги
Дремали, храпя за версту...
Гвоздем деревянные ноги
И руки прибили к кресту.

Сошлись они в пермском музее,
И впредь никуда не идут.
Ручьями текут ротозеи
И пальцы под гвозди суют.

«Голодный огонь христианства
Пожрал деревянных богов»...
А мы возвратили гражданство!
Вернули им память веков!

Пусть благодарные дети
В музейный торопятся храм.
Отводят грядущие беды,
Припав к деревянным стопам.